

то, что запомнилось

ПЕРВЫЙ день...

«Париж отпадает. Вы летите только в Лондон на 16 дней с двумя спектаклями», — сказали нам в министерстве...

«Ну, что ж, — подумали мы. — Лондон — это тоже интересно...»

«Граждане пассажиры, — сказала радио на Шереметьевском аэродроме, — в связи с перегрузкой линии Москва — Лондон вы вылетаете самолетом Москва — Париж с последующей пересадкой на Лондон...»

«Ну, что ж, — подумали мы. — «перенесем» эту пересадку! Уж как-нибудь...»

Шел дождь. Сквозь бесконечные мокрые стекла аэровокзала мы смотрели на мокрые самолеты, стоявшие на мокром бетоне. Мы были возбуждены и скрытно-радостны. Радоваться в открытую было как-то неловко перед самим собой. Но внутри все ходило ходуном от новизны ощущений и предчувствий. Было семь часов утра и шел дождь...

«Граждане пассажиры, madames et monsieurs, — сказала стюардесса в самолете, — в связи с сильным встречным ветром наш самолет должен пополнить запасы горючего. Мы вынуждены приземлиться в Копенгагене...»

«Ну и ветер, — обрадовались мы, — значит, еще и Копенгаген...»

Время скакнуло на час назад. Было еще утро. В Копенгагене тоже шел дождь, и на деревянных дверях аэровокзала висела зонтика, чтобы пассажиры могли добраться до самолета. По длинному деревянному коридору ездили на самокатах датские стюардессы. Радио говорило на неизвестном языке.

Обедали мы над Бельгией. Появился солнце...

— Через 20 минут мы приземлимся на аэродроме Ле Бурже, — сказала стюардесса, — температура воздуха в Париже плюс 18 градусов.

Время скакнуло еще на час назад.

Шарко вел по Парижу Хемингуэй. Мы пошли по бульвару Сен-Жермен в сторону Латинского квартала...

Так приятно попросить прикурить по-французски и убедиться, что тебя понимают. Так хочется сесть за один из столиков бесчисленных кафе, полупустых в начале нашей прогулки, но постепенно заполняющихся и переполняющихся. Столики стоят прямо на тротуаре. Французы сидят почти все лицом к улице, смотрят на идущих мимо, на нас, машут руками знакомым, пьют кофе, лимонад, смотрят на девушек, одетых в сильно вздернутые над коленями юбки, — мода этой весны, осмеивают преувеличения моды. Картины в витринах, маленькие галереи, книги, антиквариаты — прохладные комнаты, заваленные ветхой роскошью, в глубине которых маячат ветхие приветливые старушки; каштаны, витрины, множество разных машин, множество разных костюмов, окна с жалюзи и ставнями, букинисты, черные торговцы орехами из Сахары, студенты, рекламирующие свой воскресный бал, и кафе, кафе, кафе, теперь уже окончательно переполненные.

У меня еще нет сил смотреть своими глазами. Я вижу все глазами Хемингуэя. Оживают «Фиеста» и «Праздник, который всегда с тобой», и я вздрагиваю, когда вижу в глубине кафе человека с бородой, хотя тут же вспоминаю, что в те далекие годы Хемингуэй еще не носил бороды...

Это был лучший день в Париже! Мы возвращались. Потом Париж мелькнул своими странно знакомыми очертаниями за окном автобуса, потом он провалился вниз, под иллюминаторами «Каравеллы» и плавно растворился в вечернем тумане, который напознал с Ла-Манша.

В САМОЛЕТЕ зажегся свет. Сзади негромко буянили подвыпившие американцы. Наш сосед — английский инженер — интересовался нашими гастролями. Стюардессы предлагали сигареты и напитки, цена которых поднимется вдвое, как только мы приземлимся. Мы летели обычным европейским рейсом. Время полета — 45 минут, высота 6.000 м. Порт назначения — Лондон...

Он появился сразу весь, из тумана, и уже ничего не было под нами, кроме него. Огни Лондона уходили во все стороны, в бесконечность. Огни были желтые и белые, мерцающие и неподвижные, и движущиеся. И, казалось, нет в этой плотной массе места, чтобы втиснуться нашему самолету. Место нашлось — среди огней самого большого в мире Лондонского аэропорта.

Было 10 часов вечера, и снова шел дождь.

Мы очень устали, и новые впечатления уже не вмещались, а они все лезли и лезли. Мы получили изрядно помятые после всех погрузок и выгрузок наши чемоданы, уселись в двухэтажный английский автобус и поплыли, непривычно высоко, под самыми желтыми противотуманными фонарями со скоростью около 100 километров в час.

Париж. Монмартр.

и все еще было утро...

«С этого аэродрома самолеты на Лондон не ходят. Вам придется ехать на другой конец Парижа, на аэродром Орли».

Через минуту:

«Утренний самолет на Лондон уже ушел. Вам придется задержаться в Париже на 8 часов».

Мы (робко):

— А в город выйти можно?

— Французские визы у вас есть?

— Нет.

— Обратитесь в полицию.

Полиция:

— Можете оставить вещи в камере хранения на площади Инвалидов, если за вас заплатят, и идти в город.

Все было улажено.

Мы вышли на набережную Сены.

— Сбор здесь же ровно в 5 вечера. Время парижское. Переведите часы...

И мы пошли в город.

Без виз, без денег, без магазинных чеков, без возможности куда-нибудь уйти, остановиться. Прогулка свободная, как дыхание. Только идти. Куда глаза глядят. Смотреть, вспоминать, улыбаться, говорить, слышать. Идти... По Парижу!

Просто удивительно, как много мы знаем об этом городе. Каждое название, каждый поворот пейзажа вызывает ощущение знакомого, иногда ясно, иногда смутно. Мы шли без гидов, без провожатых, но каждого из нас кто-то вел. Стрельчика, естественно, вела тень Наполеона, и он пошел через мост Александра Третьего к могиле императора. Лаврова повел Анатоль Франс по набережной своего имени вдоль книжных развалов. Большую группу повел Гюго к собору Парижской богородицы через сад Тюильри, мимо Лувра. Привычные парижане—Товстоногов и Смоктуновский—поехали в гости, Гаричев застыл на Сене с альбомом и карандашом и растворился среди десятка других художников, которые уже века пишут парижский пейзаж и уже давно сами стали неотъемлемой частью этого пейзажа. Нас с Зиной

Мы долго кружили под дождем по пустому городу. Кружилась голова от непривычного левостороннего движения, казалось, что шофер сошел с ума и едет поперек движения, что сейчас мы столкнемся с этим автобусом, или с тем фургоном, или раздавим эту легковую машину. Поворот, поворот. Узкая улица с односторонним движением, вдруг сад, шумящий под дождем.

— Это что?

— Гайд-парк.

Темно. Плохо видно. Только запах мокрой зелени.

Ворота. «Прайвет-стрит» — «Частная улица». У входа на нее швейцар в цилиндре. Не может быть? Почему в цилиндре? Наверное, у меня просто переутомление. Нет, вот он подходит к шоферу. Действительно в цилиндре.

— Куда вы едете?

— Посольство СССР.

— Проезжайте.

...И вот опять мы мчимся по улицам с сумасшедшим левосторонним движением. Запоминается Оксфорд-стрит со сплошным строем магазинов, знаменитая Тоттенхем-Корт-Роуд, связанная с Шоу, Беккер-стрит, где жил Шерлок Холмс, и машины вдоль всех улиц, по обеим сторонам. Мелькнул район ночных развлечений — Сохо, и снова пустые улицы с неподвижной толпой автомобилей и дождь...

Ночь. Еле волоча ноги и чемоданы, мы размещаемся в Рассел-отеле.

...Сейчас спать, спать! Под стук дождя... Кончился самый длинный день в моей жизни.

***
СЛУЧИЛАСЬ авария. Что-то жикнуло у нас под ногами. Автобус начал тормозить. Мы обернулись и увидели, что по дороге бочком ковыляет легковая машина, которой наш автобус смял в гармошку нос. Мы дружно вскрикнули.

«Что случилось?» — спросил наш водитель через переводчика. — Кому-нибудь плохо?»

Он вышел из автобуса и направился к машине, которая, жалобно накрываясь, застыла у обочины. Из машины вылез высокий человек и закурил трубку. За ним вылезла со-

Париж. Сена.

бака и села рядом с его ногами, глядя на смятый радиатор. За собакой вылезла женщина. Наш шофер подошел к человеку с трубкой. Водители кивнули друг другу, о чем-то поговорили, записали адреса, пожали друг другу руки на прощанье. Виновного выяснит страховая компания.

Вернулся наш шофер, и мы тронулись. Обернувшись, мы увидели, что машина, ковыляя, тронулась, а сквозь заднее стекло на нас смотрит собака (английская семья без собаки, хотя бы одной, — редкое исключение). Таково было для нас первое проявление английского характера...

...Мы ехали в Стредфорд на Эйвоне. Было утро. Была Англия. Не похожая ни на что. Очень зеленая до горизонта и очень розовая вблизи кустами рододендрона, с очень коричневыми деревянными домами, перечеркнутыми наискосок черными или белыми балками. Здесь все настолько прочное, вековое, что города кажутся старше лесов, а дороги старше камней. Слева, на горе, вдалеке возник сказочный торт Виндзорского замка, справа протянулся всеми своими шпилями к небу Оксфорд.

Было это или не было? Было. Было утро 7 мая, и мы ехали в Стредфорд, на родину Шекспира. Был прокопченный скрипучий дом в два эта-

доме сестры Шекспира. Было много разговоров, блюд и вина.

Чего не было, так это речей. Столь непривычное обстоятельство изумляло нас больше всего и создавало ощущение, что не все в порядке. Во время чая я не выдержал и произнес короткую благодарственную речь, обращенную в воздух, потому что никак не мог понять, кто же здесь хозяин, ибо хозяева вместе с официантами разносили кофе и всячески нас обслуживали. Речь моя была принята мило, но не без некоторого недоумения. «Зачем, мол, и так все понятно». Нам после речи полегало, но в глубине души и мы подумали: «А действительно, зачем?»

Было теплое прощание. Потом снова была дорога, а потом был город Ковентри, полный заводов, складов, новых некрасивых домов, дыма. И вдруг... возник собор...

ГОРОД был варварски разрушен немецкой бомбардировкой во время второй мировой войны. Собор — творение послевоенное. Он построен на месте старого, сожженного, разбомбленного, рядом с его руинами. Собор — творение послевоенное не только по времени его постройки, но и по самому духу. Он современен своим трагически-конкретным содержанием, он современен своими непривычными, неуспокоенными форма-

Париж. Собор Парижской богородицы.

жа, и старая строгая дама говорила: «В этой колыбели качался маленький Вильям Шекспир», и когда кто-то из посетителей (не из нас, упаси бог!) робко спросил: «А действительно ли существовал Шекспир? Ведь этот вопрос некоторые ставят под сомнение», — дама сдвинула брови и сказала: «Вопрос нелеп! Ведь кто-то, гениальный, написал все эти пьесы и сонеты, так вот их автор, кто бы он ни был, малюткой качался в этой самой колыбели и звали его Вильям Шекспир».

Был Шекспировский театр, построенный на месте сгоревшего. В этот день утром шла первая часть «Генриха IV», вечером — «Гамлет», а между спектаклями мы повидались с актерами, в большинстве очень молодыми. Мы искали знакомых, ведь Стредфордский театр гастролировал у нас в Ленинграде. Но в Англии труппы непостоянны. Состав давно сменился, следы бывших актеров затерялись. Вечным осталось название театра и его репертуар — Шекспир. Впрочем, и он начинает меняться, о чем расскажу позднее.

Был обед (ленч) в старой таверне, данный английским театральным обществом. Потом был чай (файф о'clock), данный тем же обществом в

ми. Его создавали лучшие архитекторы Англии, лучшие скульпторы Америки, немецкие мастера витражей и французские мастера гобеленов. Он волнуется своими стенами, сложеными из теплого розоватого камня, своими сводами на легких опорах, сужающихся кверху до нескольких сантиметров. Он волнуется своим гигантским витражом, где белым по белому стеклу изображен страшный суд, сквозь который видны реальные развалины старого собора, и страшный суд бога приобретает смысл реального людского суда над убийцами. Волнуется распятие — скульптура, где остались только крест и гвозди в нем, и терновый венец, похожий на скелет, а тело христово исчезло — воспарило или разложилось, как тела всех смертных. И снова вспоминается война и вспоминается Бухенвальд, где мы были несколько месяцев назад. Волнуется главная идея собора — идея единения людей в борьбе за мир. Среди тишины прекрасного мы не думали о боге, мы думали о человеческом гении, о великом искусстве, родившемся из великого страдания народов.

(ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ)

Рисунки А. Гаричева, заставка Е. Спиридонова

Я ХОЧУ писать не о нас в Лондоне, а о том образе Лондона, Англии, англичан, который остался в нас. Этот образ складывается из множества мелочей быта, разговоров, встреч, мимолетных и длительных впечатлений, улиц, кино, театров, галерей. Образ этот, разумеется, весьма субъективен, и любой из моих товарищей, возможно, расскажет об этом совершенно иначе. В чем-то мы сойдемся, в чем-то будем противоречить друг другу, но я не буду искать среднего, объективного между впечатлениями всех, а расскажу только то, что видел сам.

Со мной работал костюмером молодой симпатичный парень по имени Джим. День за днем мы все больше привыкали понимать друг друга, и я с изумлением узнал, что он актер.

— Почему же вы работаете костюмером?

— Деньги нужны!

— У вас нет работы по специальности?

— Неделю назад я кончил сниматься в одном фильме.

— В большой роли?

— В главной.

— А дальше?

— Через два месяца у меня начнется контракт с одной провинциальной труппой.

— Значит, дела идут неплохо?

— Вполне!

— Почему бы вам сейчас не отдохнуть?

— Деньги нужны...

Мы гуляли по паркам Лондона, Стрэдфорда и Виндзора. Только тут я понял всю прелесть газонов. У нас газоны ограничивают дорогу. Там дороги для того, чтобы войти или выйти из парка, а гуляют, сидят, лежат на газонах. И трава не мнется, не вытаптывается. В парк можно хо-

Лондон. Оксфорд-стрит.

дить с собаками. Они без намордников. И почему-то не кусаются. Может быть, именно потому, что без намордников... Вокруг прудов ходят дикие утки. На них не охотятся ни собаки, ни люди. Традиция, Традиция!

Рассказали такой анекдот. Американцы купили в Англии семена неминующей травы, и удобрения, и машины для стрижки. Посадили, пустили на траву публику и вытоптали в две недели начисто. Скандал. Иск. Приехал специалист из Англии — семена те, машины те, сроки те, удобрения те.

— Но ведь не растет! — закричали покупатели.

— Должна расти. Теперь стригите ее 400 лет, как мы, и вырастет.

См. начало в номере от 21 августа.

Здесь все создано веками, вошло в привычку.

В ЛОНДОНЕ курят везде — во всех кафе, ресторанах, буфетах, закусовых и автоматах, в кинотеатрах во время сеансов, в метро — на платформах и в поездах, на сцене во время репетиций и в зрительном зале. Окурки чаще всего бросают на пол, на землю, на толстые километровые огнеустойчивые ковры. Но в городе чисто. Идет незаметная и непрерывная уборка. Это тоже традиция. Есть один грязный день в неделю — воскресенье, когда все выходные, когда все состоятельные люди мчатся за город, в леса и к морю, а менее состоятельные гуляют с деть-

Стрэдфорд. Отель.

ми и собаками по Гайд-парку, молодые целуются и катаются на лодках, слушают тоже традиционных ораторов, а старые лежат в шезлонгах, разглядывая блеклое северное небо. Город пуст, завален окурками, кожурой апельсинов и газетами.

Но вот раннее утро понедельника. И город снова чист, радушен и неприступен в своей верности традициям.

...Мы шли после спектакля по мосту Ватерлоо. Была суббота. Медленно гуляли семьи. Очень красиво было Вестминстерское аббатство, подсвеченное скрытыми фонарями. Мы перешли на другой берег. Открылась громада вокзала Ватерлоо. Мы вошли внутрь и впервые попали в иной мир — бездомных, потерянных, сломанных. Странные и страшные люди окружали нас. Смотрели просительно и недружелюбно, лежали на скамьях, слонялись бесцельно. Такие же глаза я видел потом у других людей, только хорошо одетых, с вылизанными проборами. Они смотрели из окошечек касс стриптизов, подозрительных книжных магазинов, странно пустоватых кафе в районе ночной жизни — Сохо. Чем дальше мы шли по переходам подземной площади, тем больше их становилось. Мы повернули назад. Чуть сблизись с пути и пересекли Темзу не по мосту Ватерлоо, а левее, по широкому железнодорожному мосту с узкими пешеходными тропами. 6 колеи железной дороги. Слепящий свет. Грохот. И парочки, слившись, прилипшие к перилам высокого моста, неподвижные и немые. Не видно ни одного лица. Только затылки и руки. Почему они стоят здесь, а не на соседнем Ватерлоо, где так широко, и красиво светится Вестминстер?..

Несмотря на всю поверхностность наших наблюдений, мы заметили к концу нашего пребывания в Англии, что районы Лондона отделены друг от друга невидимой, но трудно переходимой чертой. На улице все равны, демократизм поведения людей в общественных местах абсолютный. Не то внутри домов. Люди принадлежат не только своим профессиям, не только клубам, которых по-прежнему в Англии бесчисленное множество, но

и районам, в которых они живут. Очень многие имеют машины, но владелец «Фиата» не ровня владельцу «ролс-ройса».

Впоследствии один известный французский артист рассказывал мне, что для заключения ряда серьезных контрактов он должен был купить и повесить на стену несколько картин Пикассо, которого он не любит, а также приобрести самолет. Контракты этого уровня требуют подобных атрибутов и без них невозможны. Человек он весьма богатый, но его круг, его «район» предусматривает точно, на что он должен тратить свои деньги, что обязан иметь...

При всем том в общении людей отсутствует чванство. Чопорность, неприступность англичан оказалась мифом. Они общительны, склонны к шутке, сердечно-вежливы. Впрочем, не стоит пытаться делать глубокий анализ по поводу поверхностных впечатлений.

Насколько я знаю, ни один человек из нашей труппы не уехал из Англии, не оставив там новых друзей или приятелей, или просто знакомых, с которыми приятно было бы встретиться снова. Я уже говорил о сердечности и душевности англичан по отношению к нам, и это их заслуга, что мы с такой теплотой воспомина-

ем холодный майский Лондон.

Днем решительного сближения английских и советских работников искусств, или, как принято говорить, днем налаживания личных контактов, стало воскресенье 15 мая. В воскресенье все зрелища закрыты. В свой выходной день мы давали концерт для театральной общественности в королевской академии драматического искусства. Мы играли сцены из многих спектаклей, эстрадные номера. Зрительский прием был подогрев еще самим фактом, что советские артисты в свой единственный выходной день бесплатно дают огромный концерт для коллег. Об этом факте пи-

сали многие газеты. У англичан ведь слабое представление о шефской работе...

Вот после концерта-то и завязалось большинство знакомств. Я разговаривался, а потом и очень подружился с маленькой, худенькой, очень смуглой женщиной по имени Зуина и ее супругом, которого она звала Бас. Бас — длинный, худощавый шотландец лет 45, с чудной, истинно веселой улыбкой. Зуина, по предъявлении визитной карточки, оказалась княгиней Зуиной Бенхалла. Но не пугайтесь, это только титул, подчеркивающий ее алжирское происхождение. Оба они действительно простые, скромные труженики искусства — он сценарист телевидения, она поэтесса, пишущая на французском. Любовь к французскому языку стала первой темой нашего разговора.

Потом мы бывали у них дома и в домах их друзей, они были у нас в театре. Мы говорили о многом. Много удивляло нас друг в друге, много оказывалось спорным, но простота разговоров и желание понять друга друга делали все споры приятными. Они живо интересовались советской прозой, поэзией, драматургией, которые довольно плохо известны в Англии. Зуина подарила нам книгу своих стихов «Звуки и видения», и она тоже стала предметом разговоров. Они стали нашими проводниками по городу, и мы познакомились с художниками, журналистами, актерами, писателями. У меня стоит в глазах их скромная маленькая квартира, увешанная прекрасными гравюрами и картинами — подарками друзей, и Зуина, которая, чуть раскачиваясь, волнуясь, поет песню, написанную на ее слова, а Бас, сидя на подоконнике, курит трубку и, как всегда, улыбается.

МЫ УЛЕТАЛИ. В Париж. Все-таки в Париж! На аэродроме плакала Санди О'Ханлон, милая ирландка, наша костюмерша, студентка театральной школы, на удивление живая, непосредственная девчонка, которая, наверное, будет хорошей актрисой.

Мы махали шляпами, но за таможенной чертой уже трудно было кого-нибудь разобрать. Мы махали всем, с кем познакомились в этой стране, — Лоренсу Оливье и костюмеру Джиму, Зуине Бенхалле и ее Басу, художнику Аллену Давиду и актрисе мюзикла Вивьен Мартин, нашему продюсеру мистеру Добни.

Мне хотелось бы рассказать о них подробнее и через них что-нибудь о художественной жизни английской столицы...

Мы поднимались по трапу на самолет. До свиданья! Спасибо. Никогда больше мы не назовем англичан чопорными...

Рис. А. Гаричева
Лондон—Париж—Ленинград.

Продолжение следует.

то, что запомнилось

У ИЛЬЯМ Конгрив жил и писал в том самом XVII веке, в самом начале которого достиг вершины и умер Вильям Шекспир. Разница не только в масштабе таланта, но только в том, что трудно сравнивать гения, полную индивидуальность и «одного из». Разница в чем-то еще. Куда исчезла шекспировская раскованность, возрожденческий темперамент, могучее дыхание полной грудью, сила, открытость, мудрая непосредственность, которыми наполнены даже самые легкие его комедии? Их сменила затейливость, филигранность отделки, подчеркнутая традиционность композиции. Водопадный сюжет, где несется вместе с невероятной скоростью множество тем, где пародия врывается в философию, а поэзия в жизнь и вместе с тем все они остаются полноценными, не ослабленными вторжениями, — этот водопад сменился сложной и красивой системой прудов, где вода хлыла и зеркальна, а вся прелесть в изгибах берега, в изяществе расположения деревьев, во всем том, что вокруг воды. В пьесах Конгрива, пожалуй, больше внешней гармонии, слаженности. Те, кто недолюбливает Шекспира, скажут, что в нем больше вкуса.

Мы не видели Шекспира на английской сцене. Мы видели Конгрива. Но английский театр весь покоится на Шекспире, или идет через Шекспира, или возрождает Шекспира. Я должен вспомнить ленинградские впечатления. Мы видели Стредфордский театр с произительно современной Джульеттой — Дороти Тьютин, с неожиданно добрым и по-земному человечным Гамлетом — Майклом Рейдгровом. Мы видели намеренно тяжеловатый, стильный спектакль «Макбет», привезенный театром «Олд Виз», и, наконец, мы видели «Король Лира» в постановке Питера Брука с Полом Скоффилдом в главной роли — спектакль, потрясающий своим проникновением в смелость Шекспира и собственной смелостью.

Лоренс Оливье со своей труппой Национального театра до Ленинграда не доехал. Москва бурно обсуждала его «Огелло», имевшего громовой успех, несколько более в тени оказалась пьеса «Любовь за любовь» Уильяма Конгрива.

Вот ее-то и смотрели мы в Лондоне после дождичка, в четверг, 19 мая, на утреннем спектакле.

Есть много граней таланта — сила мысли, темперамент, эмоциональность, вкус, глубина и т. д. и т. д., и т. д. Здесь в прямом соответствии с пьесой главенствовал вкус. Вся прелесть спектакля, а спектакль был именно прелестный, была в том, что от пьесы взяли все и не потребовали от нее ничего сверх возможности. Изящно, холодно, весело, иронично. Музыка, стилизованная под старинную, декорации, подчеркнутые традиционные и необычайно привлекательные по цвету, гравиурные, или насмешливо живописные мизансцены, тонкая гамма костюмов и блистательное умение их носить. Так полно, завершено выразить определенный стиль могут лишь люди, живущие через сотни лет после реального существования этого стиля. Этим, пожалуй, исчерпывается современность спектакля. А нужен ли такой спектакль? Видно, нужен. Он прошел уже много раз, и в четверг утром зал был почти полон.

Англичане уважают свое прошлое: не только бесмертное, ставшее мировым достоянием, но и просто ступени истории, и истории литературы, и истории театра. Английский зритель умеет и волюваться, и хохотать, и получать удовольствие от созерцания, как было в данном случае, смотреть и слушать текст.

А что же получили мы, не понимая текста и не привыкнув к созер-

цанию? Мы получили наслаждение от актеров. Многие из нас, и я в том числе, впервые видели Лоренса Оливье на сцене. После Гамлета и Ричарда в кино он потряс теперь нас в роли наивного, смешного, изящного волокиты. Клик он сосредоточенно ухаживает, как он рассеянно путает всех, в кого влюблен, как он танцует, как обижается на грубость, надувается словно ребенок и ненадолго впадает в немилосливо смешную печаль, а потом опять порхает, разгуливает со своей тростью, смеется, ухаживает!

Когда далеко не юный Лоренс Оливье легко, бесшумно спрыгнул с высокого второго этажа, посылая приветы своей возлюбленной, и начал уморительно поправлять съехавшие набок накладные икры на ногах, мы первые разразились бурными аплодисментами, и зал дружно поддержал нас. Мы наслаждались блистательным комедийным талантом этого прославленного трагика.

При входе в театр нам всем прикололи по цветку в петлицу, чтобы потом, при встрече, английские актеры легко отличили гостей. Но эта мера оказалась почти излишней. Мы встретились на сцене, а потом в кафе театра со старыми своими знакомыми. Многие из них оставили на память свои автографы на потолке в одной из гримерных нашего театра в Ленинграде. Мы встретились с Джеральдиной Мак-Эйван, с Линн Рейдгров (дочерью Майкла Рейдгрова) — очень острой и яркой молодой актрисой, со скромным, незаметным Колином Блекли, так виртуозно играющим нахалом в пьесе Конгрива, и со многими, многими друзьями. Мы были рады поздравить их с мастерским спектаклем и вообще были рады, что наша дружба крепнет и обогащается двусторонними визитами.

Мы ИГРАЛИ каждый день. По средам и субботам утром и вечером. Выходной — воскресенье, но в воскресенье закрыты и все остальные театры. Поэтому,

естественно, мы имели очень мало возможностей для посещения театров в Лондоне. Нашими гастроллями закрывался фестиваль зарубежных театров в Лондоне. Организатором и продюсером фестиваля был известный театральный антрепренер мистер Питер Добни. Высокий одорукий человек, очень нервный и подвижный, но со спокойным и зорким взглядом — таким он впервые предстал перед нами в Берлине осенью прошлого года, когда мы играли там

Лоренс Оливье в роли Татле (пьеса «Любовь за любовь» У. Конгрива).

«Варвары» Горького. Он специально приехал посмотреть наш спектакль. Потом он побывал в Ленинграде, где познакомился еще с целым рядом спектаклей, и вот контракт заключен. Мы не смогли привезти пьесу «Варвары» из-за болезни нашего замечательного артиста Павла Луспекаева, исполнителя роли Черкуна. Мистер Добни сильно взволнован заменой — случай экстраординарный в международных гастролях, ведь билеты на эту пьесу проданы заранее.

Что-то будет? Конец фестиваля. Громадный интерес суровой прессы. В фестивале этого года приняли участие такие великолепные коллективы, как Чешский национальный театр, Театр греческой трагедии, «Компания дей джованни» из Италии и Польский национальный театр. Гастроли театров проходили с переменным успехом, многое решал финал. А тут еще замена. Мистер Добни волновался.

то, что запомнилось

ВЕЧЕРА заняты, но дни наши. Поэтому нашими были музеи. Описывать живопись бессмысленно. На то она и живопись. Композиция многих полотен известна нам по репродукциям, а цвет, свет и воздух все равно не расскажешь. Скажу только, что при блистательных собраниях Национальной галереи, Тейт-галереи Британского музея в Лондоне, Лувра и Музея современного искусства в Париже наибольшее впечатление на меня произвели малые коллекции. Многокилометровый кросс по залам прославленного музея превращает чувство радости от искусства в чувство жадности — увидеть побольше, запомнить, что видел, чтоб было что рассказать. На такой музей нужны недели.

В маленькой галерее на каждом шагу открытие, да и саму-то галерею вроде бы ты сам первый открыл — народу мало, что тебя ждет — неизвестно. И вдруг — Ботичелли, всего одна картина... Рембрандт — один... В соседнем зале два Ренуара, один Сезанн. Тут и рассмотришь свое открытие, тут-то и погрузишься в мир художника, который разговаривает с тобой лично, а не через дирекцию всемирно прославленного музея...

Впрочем, я увлекаюсь. Не всегда так. Разве не открыла нам громадная Тейт-галерея великого Тернера, предшественника импрессионизма, в громадных 12 залах, дав нам полное представление о нем.

Из поразивших меня англичан назову еще Стенли Спенсера с его необычайно театрально решенной религиозной темой, Вильяма Блейка, известного поэта, смешавшего в живописи скрупулезную реальность с видениями и мечтами и одновременно пародирующего всю эту смесь. Сюр-

реализм его иллюстраций к «Божественной комедии» неожиданно и ярко развернул восприятие произведения. Из современных назову Бена Никольсона, которого я не понял на английской выставке в Ленинграде и который теперь увлек меня живописной прелестью своего геометризма.

...Париж открыл перед нами Курбе, импрессионистов, Боннара, Вьюара, Шагала, Пикассо, Родена, Леже, Клее, Миро, Мунка и т. д., и т. д. Как говорить о живописи? Как рассказать о целом этаже, занятом Кранахом, о трогательном Маковском, смотреть которого мы бегали в Познани и в Варшаве, о Выспанском и Лебенштайне, об итальянском Возрождении и о французском маньеризме? Как? Никак... Это надо смотреть самому, хотя бы в репродукциях.

Но об одной галерее я все-таки расскажу. Хотя бы потому, что она лишь недавно открыта для публичного обозрения. Я говорю о галерее Гийома в саду Тюильри в Париже. Один этаж. Семь или восемь залов. У дверей в первый зал две «Обнаженные» Пикассо. Великий Пабло уже перешагнул через кубизм. Превеличенные, но живые тела. Плоть. Объем, вершин которого он достиг в период кубизма, потерял резкие грани, очеловечился. Дивное сочетание живописи — плоскости и объема — плоти.

Впрочем, когда гений увлекается тем или иным направлением, оно не иссушает его. Он преодолевает схему догмы. Меня волнует и Пикассо-кубист. В кубистической «Сидящей женщине» (Тейт-галереи, Лондон) из нагромождения плоскостей проявляется, волнуяще проглядывает женщина с невидимым лицом и с красивой рукой в классическом изгибе, глядит и сам Пикассо — Великан-искатель.

Но вернемся к галерее Гийома. Ренуар. «Девочки у фортепьяно» и

несколько портретов. Яркость, радость, воздушность, оптимизм, в этих вещах чуть слашавый.

Монэ — никогда не надоедающий. Достоверный и неизменно художественный. Приблизивший природу к искусству почти вплотную и нигде не смешавший их, не спутавший. Светлый поэт.

Сезанн. Тяжелый, ищущий тяжести, трудный. Деревья стоят на земле, яблоки лежат на столе. Мать художника сидит в кресле. Художник действия, всегда живописного, так трудно понимаемого нами, актерами, статичного действия. Громадное напряжение.

Утрилло. Я уже был на Монмартре. Оценил его прелесть и вот снова увидел его на полотне. Это почти до слез. Все точно так, как я видел, но оказывается, я видел один процент. Все как в натуре плюс великий художник. И теперь Монмартр я помню по Утрилло, не по собственным впечатлениям.

А дальше длинноногие, вытянутые создания Модильяни с глазами, смотрящими поверх нас. Хочется встать на цыпочки и заглянуть в эти глаза. Может быть, в них спрятал художник свою притягательную силу.

«Таможенник» Руссо. «Семейство в коляске». Нельзя не улыбаться. Такая наивная любовь к миру, к природе, такое искреннее желание показать, какая зеленая трава, какой желтый песок, какое круглое колесо. В коляске сидит все семейство. Все серьезные, но, видимо, очень доволь-

Лондон. Тоуэр.

ны, что они вместе и сидят в коляске. И все смотрят на нас — и семейство, и собака, что стоит около коляски, и лошадь косит глазом. И сам художник смотрит на нас. «Ну как, хорошо?» — спрашивает его картина. «Хорошо» — отвечаем мы, невольно улыбаясь.

Последний зал — Сутин. Я впервые вижу этого художника. Это громадный художник. Он видит и творит реальный мир на своих картинах. Но в мире тревога. Сильный ветер дунул справа (всегда справа) и сметет, прогнул четкие очертания предметов. Ах, этот ветер!.. Он мучает художника, он мучает и зрителя. Он создает необъяснимую напряженность картин. Пейзаж, дом на холме, портрет мальчика, еще портрет — мужской, женский, страшная картина «Теленок и туша» — начало жизни и ее жестокий финал вместе.

Мощный цвет, абсолютный примат содержания, настроения над формальными ухищрениями. Единым дыханием создана каждая картина. И ветер, ветер справа, мнувший жизнь, и фигуры на картинах, мнувший мир. Если идти по залу слева направо — идешь против ветра, справа налево — по ветру. Выходишь из зала и долго несешь этот ветер с собой.

А в двух нижних залах снова покой. Клод Монэ. Большой зал, и всего четыре картины. Длинные, узкие, вдоль всей стены. Одна стена — утро, другая — день, потом — вечер и ночь. Все это — лес с нижней точки. Вы в лесу. Но это не фокус, не

дешевая иллюзия, не зимний сад для пресыщенных. Это лес Клода Монэ. Вы здесь не одиноки, вы здесь вместе с ним. Большое счастье — общение с подлинным художником...

Звонок. Время. Музей закрывается. Служители, расставив руки, как гусяй, гонят посетителей к выходу. Закрываются ставни...

Я вспоминаю, как такой же финальный звонок застал меня в зале электроживописи в музее «арт-модерн». Там крутились механические конструкции, по экранам ходили цветные тени, поворачивались какие-то аквариумы, в которых пузырилась подсвеченная вода. Я смотрел и все не мог взять в толк — почему это называют живописью. И вдруг звонок — служители вырвали вилки из штепселей, и все остановилось, погасло, умерло и застыло в своем бессмысленном уродстве. Я уходил с тяжелым чувством...

Из галереи Гийома я уходил счастливый. Даже в полутьме были прекрасны очертания фигур, живые пейзажи, загадочные глаза.

...Было 5 часов вечера. Я вышел в сад Тюильри. Служащие музея играли в традиционную французскую игру — вроде кеглей — большими деревянными шарами. Сколько раз мы видели ее в кино. Там в нее играли Жан Габэн и Раф Валлоне. Теперь играли служащие музея. Они спорили, металы, кидали, катили, громко вскрикивали, измеряли рулеткой расстояние между шарами. Игра катилась все дальше и дальше, и я шел за ней, слушая споры и не понимая правил. У моста играющие свернули со своими шарами и спорами влево, а я пошел направо, через Сену, к отелю Пале-д'Орсей, в котором мы жили...

ЗУИНА Бенхала, английская поэтесса, о которой я уже рассказывал, пригласила нас провести вечер у ее друга — художника Алена Давида. Англичанин с французской фамилией, родившийся в Бомбее. Он с громадным интересом расспрашивал нас о наших музеях, о нашей живописи. Мы пили вино и русскую водку, принесенную нами. Ален охал от ее крепости и варил кофе, от крепости которого охали мы. Потом пошли в мастерскую.

Он рисует солнце. Всегда солнце. Два года прожил он в австралийской пустыне. Там он и ловил бесчисленные оттенки раскаленного круглого солнца пустыни. Он оптимист. Его влечет яркое и круглое. Он не счи-

тает себя принадлежащим к какому-либо определенному направлению. Солнце, еще солнце, солнце, которое не вместились в картину, — ослепительный набор пятен. Яркий жонглер, какой-то квадратный, который жонглирует... опять-таки солнцами.

И еще — четыре туманных картины — один пейзаж в четырех временах года. Это его Англия, о которой он скучал в южной пустыне и писал по памяти родной пейзаж.

Модница.

Ален Давид не очень известен и поэтому вовсе не богат. Но он молод. Он очень любит рисовать солнце. Пожелаем ему счастья...

...Я давно мечтал увидеть на сцене пьесу Эжена Ионеско. Слишком много спорили и говорили у нас об этом драматурге и в печати и на диспутах. Пьесу «Носороги» перевели, кое-что я читал по-французски. В первый же день в Париже мы отправились на улицу Ля Юшет в театр того же названия. К нашему удивлению, мало кто знал этот театр из прохожих, у которых мы спрашивали дорогу. Не знала о его существовании даже продавщица театральных билетов в гостинице. Театр уже десять лет играет один спектакль. Две пьесы Ионеско — «Лысая певица» и «Урок». Более 3.000 представлений выдержали пьесы...

Лондон — Париж — Ленинград.

Рисунки А. Гаричева

(ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ)

...Живут себе супруги Смит. Сидят они себе после обеда, и мадам Смит подробно вспоминает, что было сегодня на обед и кто сколько съел, и что было вчера, и кто сколько съел вчера. Часы бьют 18, потом 24, потом 41. Супруги Смит говорят и говорят — о родных, о врачах. Если не понимать языка, а слушать только интонацию, разговор как разговор, но если понять, начнешь хохотать от нелепостей, которые нарастают каскадом в рамках абсолютно бытовой формы:

«Доктор Маккензи-Кинг — очень хороший врач. Ему можно вполне доверять. Он никогда не порекомендует пациенту лекарства, прежде чем сам не испробует его на себе. Прежде чем оперировать печень Паркеру, он сперва оперировал печень себе, хотя был совершенно здоров».

«Но тогда почему же доктор остался жив, а Паркер умер?»

«Потому что ему удалась своя операция и не удалась операция Паркера».

«Тогда Маккензи нельзя назвать хорошим доктором. У хорошего доктора операция должна либо быть удачной в обоих случаях, либо обоих свести в могилу».

«Но почему?».

Это — из «Лысой певички». Ионеско восстает против мещанского отупения, когда штампы человеческого общения, привычные формы сводят к абсурду всякое содержание; когда язык и средства обмена мыслями превращаются в средства привычного сотрясения воздуха. И автор подставляет в respectable беседу супругов Смит и их гостей, супругов Мартен, бессмысленные слова из англо-французского разговорника:

«Я могу купить перочинный ножик для своего брата», — убежденно говорит один.

«Ходят с помощью ног, но согреваются с помощью электричества или угля», — резко возражает другой.

«Каждому своя судьба, — философски замечает третий. — Какие семь дней в неделе вы знаете?»

«Понедельник, вторник, среда, четверг, пятница, суббота, воскресенье», — абсолютно серьезно отвечает четвертый...

Но чем отличается этот абсурд от разговорных штампов обуржуазившегося до мозга костей мещанства?..

Ионеско смеется не только над штампами жизни, но и над вековыми

штампами театра. Недаром его «Лысая певичка» имеет подзаголовок «Анти-пьеса». Он выдумывает нелепые, пародийно-театральные сюжетные повороты, сдвигая со зрителей привычно-спокойное желание смотреть давно известное, слышать много раз слышанное, взрывая тупую любовь мещанина к банальности...

...По книге Бояджиева «Театральный Париж» мы знали, что театр маленький и не шикарный. Но ничего подобного не представляли. Амбарные ворота, закрытые на амбарный замок. Еще за 20 минут до начала спектакля мы были единственными, кто стоял перед этим входом. Потом подошел еще один человек. Оказалось, тоже иностранец, фламандец, студент-юрист. Выяснилось, что он и понятия не имеет об Ионеско и набрел на театр случайно. В маленьком обшарпанном зале, рассчитанном менее чем на 100 зрителей, собралось в результате 27 человек. Скрипучие стулья, изрезанные ножами, осыпавшаяся со стен штукатурка, малюсенькая сцена с потертым занавесом.

Мы ждали начала. В такой обстановке невольно ожидаешь чуда. А вдруг сейчас... Открылся занавес. Но чуда не произошло. Спектакль уже заигран. Сменились многие актеры. Быстро, поверхностно была сыграна «Лысая певичка». Было несколько интересных моментов, был один тонкий актер, но в целом формальное исполнение сложилось с формальным построением пьесы и убило ее юмор, ее удивительные неожиданности. В антракте фламандец, говорящий по-французски, как на родном языке, спросил меня, не знаю ли я этой пьесы и не могу ли объяснить, в чем тут дело. Мне было обидно за Ионеско.

Нас вознаградила вторая пьеса. Появился прекрасный актер — Мо-

Париж. На улице.

рис Кювилье (он же режиссер спектакля), и зал (27 человек) захохотал. Ионеско зазвучал. Кювилье был серьезен, достоверен, а публика покатывалась от смеха, замирала от ужаса. Под стать ему были и его партнерши. Ирония, порой жестокая, нашла свое воплощение. После спектакля мы хотели подождать понравившихся нам актеров. Мы снова стояли у амбарной двери. Она резко распахнулась, и из нее стремглав выскочила исполнительница роли ученицы и помчалась вниз по улице. Только мы успели открыть рот, чтобы окликнуть ее, из двери выпрыгнул Кювилье и большими прыжками поскакал вверх по улице. Дверь захлопнулась, и на нее навесили амбарный замок. Видимо, 3.000 представлений это слишком много...

В ПОСЛЕДНИЕ годы в Англии и во Франции нарастает никогда не иссякавший интерес к русской драматургии. В Англии идет «Иванов» Чехова с Джоном Гилгудом, «Ревизор» Гоголя с Полом Скоффилдом в роли Хлестакова, по телевидению был сделан «Идиот» Достоевского, еще недавно игрались «Записки сумасшедшего» Гоголя, в Париже идут «Преступление и наказание» и «Вечный муж» Достоевского, с большим успехом шла пьеса Виктора Розова «В дороге».

Уже упоминавшийся Морис Кювилье недавно поставил и сыграл «Обломова» Гончарова. И, наконец, есть целый театр, который связал свою судьбу с русской драматургией. Я говорю о парижском театре «Ателье». Его руководитель Андре Барсак отлично владеет русским языком и сам осуществляет переводы пьес и инсценировки. Некоторые его переводы, в частности одноактных пьес Чехова, стали каноническими.

В своем театре он поставил «Месяц в деревне» Тургенева, который с большим успехом показал в Москве. В октябре он покажет премьеру «Трех сестер» Чехова с тремя сестрами Влади в заглавных ролях. В его планах — инсценировка и постановка «Дуэли» Чехова. В настоящее время с большим успехом идет поставленный им «Идиот» Достоевского. Я видел этот спектакль в последний день нашего пребывания в Париже.

Если в нем и есть ошибки, неточности в отношении костюмов и быта, то их можно и нужно простить. Уловлено главное — дух романа. Быстрая французская речь позволила вместить в 3 часа действия не только сюжетные сцены, но и философские монологи Мышкина. Точный, строгий замысел, точно воплощенный актерами. Скромные, с большим вкусом сделанные декорации с двумя великолепными задниками — петербургским и московским. Великолепно ритмически построенные диалоги, умение сочетать трагизм с юмором, мощная динамика действия — вот что отличает этот спектакль. Зал был переполнен, и успех был большой. Когда после спектакля мы пришли за кулисы, нас очень тронуло, что все актеры хотя бы немного, но говорят по-русски. Этот театр любит и понимает русскую драматургию...

В Париже на Монмартре, в Лондоне вдоль решетки Грин-Парка стоят

Виндзор.

художники и их творения. Здесь есть все, на любой вкус — фотографические зарисовки, кричащие абстракции, пейзажи в классической манере и силуэты из черной бумаги, миниатюры в народном духе и сложные модернистические композиции. Здесь лучше всего изучать различные направления в живописи — здесь представлены именно направления и лишь очень редко индивидуальности. Может быть, молчаливые авторы, шагающие или стоящие у своих картин, или даже рисующие их тут же, очень талантливые люди, но то, что они показывают здесь, — на продажу. На вспыхивающем порой влхновении лежит печать спроса. Их детища ждут перехода в чужие, случайные руки прохожего туриста. Но это не так просто, не так часто.

Мы были в уличной «галерее» Лондона два раза с расстоянием в неделю — картины были те же. Никто ничего не купил. Ничто не изменилось. Этот своеобразный рынок в хорошую погоду выглядит довольно поэтично, в дождь и холод скорее драматично.

Мы с Зиной Шарко были еще двое из несостоявшихся покупателей. Хотели купить, подождали, трудно было выбрать в этих живых сувенирах, решили — «потом».

Слишком много откладывали мы на потом. А между тем в ежедневной работе, в массе встреч, в порядке жизни, который уже становился привычным, подкатывался финал нашей поездки. Мы не успели еще посмотреть Тауэр, не побывали на знаменитом стадионе «Уэмбли», не нашли времени увидеть два интересных фильма, названия которых мелькнули перед нами на одной из улиц, а уж Лондон кончился.

Мы не успели домчаться в метро до конечной станции «Порт де Лилла» и посмотреть на места, где происходит действие фильмов Рене Клера, не успели поесть знаменитого лукового супа ночью на рынке, а уж кончился Париж.

Рисунки А. Гаричева.
Лондон — Париж — Ленинград.

(Окончание следует).

УЖЕ идет бурный обмен адресами и обещаниями писать, дарятся последние сувениры. Толпа молодежи стоит у актерского выхода из театра «Олдвич» по окончании последнего спектакля. Многие из них говорят по-русски—это ученики колледжей, где изучают русский язык, запоминаются трое, совсем молодые во фраках, это униформа Виндзорского колледжа с преподаванием на русском языке. Молодые англичане хотят лично попрощаться, пожать руки, поговорить по-русски, просто постоять, помолчать, чтобы выразить свои дружеские чувства. Студенты Оксфорда активно зовут к себе со спектаклем, или концертом, или просто побеседовать, поспорить.

Театральный критик и ресторатор в Париже месье Доминик приглашает весь театр в свой русский ресторан отобедать. Присутствуют представители прогрессивной части русской эмиграции, присутствует Андре Барсак. Мы сидим в стенах, увешанных российскими реликвиями, по радио звучат старинные русские и цыганские песни. Прощальный обед с русским меню. Последний день в Париже. Солнечный и ветреный.

...Пройдемся еще раз по городу. Я предлагаю маршрут хемингуэвской «Фиесты». Я люблю этот роман. Хемингуэй хорошо знал Париж. Он много лет прожил здесь, но все же был иностранцем, как и мы. Я уверен, что нам будет интересно пройти

то, что задумалось

вместе с его героем Джейкобом Барисом к бульвару Монпарнас, а потом пройдем сами, куда случится.

Начала нашей прогулки совпадают. Театр «Одеон», где проходили наши гастроли, стоит у самого входа в Люксембургский сад, откуда начинается свой путь Джейкоб Барис. Пройдем сад насквозь, вдохнув запахи его «свежей листвы», в 40-й раз свежей со времен Хемингуэя, послушаем журчащую тишину воды и выйдем на шумный, полный движения бульвар Сен-Мишель. Пошли! Не торопясь, вспоминая роман и глядя по сторонам. Книжные магазины. В их бесконечных, выставленных прямо на улицу стеллажах терпеливо роются серьезные очкастые молодые люди и красивые девушки с сильно подведенными глазами. Где-то здесь должна быть лавка, где продаются плетеные бутылки для вина. Ага, вот она. Есть. И бутылки висят, от самых маленьких

до огромных. Дальше, мимо маленьких галерей—рассмотрим поподробнее напоследок выставленные тут картины. Здесь много интересного. Совсем пусто сегодня — это хорошо, удобнее смотреть, но, с другой стороны, хозяин смотрит на тебя вопросительно-ожидательными глазами, и особенно долго задерживаться как-то неловко.

Угол Сен-Мишель и бульвар Монпарнас. Вот в этом доме и жил герой «Фиесты» — «В самом начале бульвара Сен-Мишель». Свернем направо по Монпарнасу. Сейчас должно быть кафе Клозери де-Лиля. Есть! Оно самое. Сядем за столик, выпьем кофе. Дальше. Интересно, а «Ротонда» сохранилась? Есть, вот она. Кафе «Ротонда», а рядом теперь американский бар, а напротив кафе дю Дом. Вот тут собирались журналисты, писатели, художники. Может быть, и сейчас? Кто эти лю-

ди за столиками? «Ротонда» модернизировалась. Два этажа, второй с оттенками недорогого шика. И вообще здесь теперь шумно. Кафе оказалось на тычке, окружено пылью и автомобилями. Герои «Фиесты» находили здесь уют и потом шли напротив, в кафе дю Дом пить кофе. Теперь и перейти дорогу не так-то просто — машины, машины. Вот такое примерно кафе, только тихое, было свидетелем работы Эрнеста Хемингуэя. Такое кафе описал он в романе «Праздник, который всегда с тобой». Здесь, наверное, хорошо, удобно работать. Земная подвижность жизни, требующая честности, моментально осмеивающая выпреющую фальшь. Здесь и нашел Хемингуэй свою неподражаемую поэзию земного, сделав столик кафе своим рабочим столом, а кабинетом — весь мир.

Идем дальше, свернем на бульвар Распай. Здесь деревьям обрезали ветви. Бульвар оголился и стал пыльным. А это что за маленькая улочка? «Шерш Миди» — «Иши полдень» — длинная, изгибающаяся дугой. Где-то я читал про эту улицу, но это уже не у Хемингуэя. Не помню, но название знакомое, и улица красивая.

Какой цвет у Парижа? Много ярких пятен, особенно красных — тенты кафе, ставни, иногда двери, но какой основной цвет?.. Он есть. В Ленинграде тоже запоминаются желтый цвет Росси и зеленый Растрелли, но основной — другой. Тоже трудно определяемый, чем-то связанный с цветом невисской воды. А в Париже?..

Я сажусь в метро и еду на другой берег Сены. Пляс Пигаль. Я сижу в кафе «Под восходящим солнцем». Съедаю французский бутерброд — половина батона с колбасой внутри. Выпиваю стакан вина, которое стоит дешевле, чем бутерброд. Смотрю на людей, сосредоточенно бросающих монеты в игры-автоматы, что-то вроде китайского биллиарда. Скачет металлический шарик, звякает о борты и препятствия. Мимо. Еще монета —

Французские стюардессы.

мимо. И так часами. Я ни разу не видел, чтобы выигрывали...

Ночью Пляс-Пигаль откроет свои ночные кафе, стриптизы, дансинги. Сейчас еще только начинает заходить солнце. «Как сделать, чтобы жена вас не разлюбила. Если хотите узнать, зайдите к нам. 7 франков». Это реклама кинотеатра. Я захожу. Сена идет непрерывно с утра до вечера. Билетерша проводит меня на место в темный зал, я даю ей франк. Фильм — наскоро сделанный, скучный и начисто не соответствующий рекламе. Поняв, что ответа на волнующий вопрос я не получу, не дождавись конца, я ошупью выбираюсь обратно на улицу.

И вот панорама Сены. 7 мостов, насквозь. Воздух легкий, прозрачный и видно далеко-далеко. Вот какого цвета Париж — он цвета слона. В том смысле, что это живой серый цвет. Дома, дворцы, с их закругленными, не острыми углами крыш, мансардами, мягкими живыми изгибами форм. Все подвижно, все не мертво. А может быть, это воздух колышется. Громадные, гармоничные, живые массы...

Тысячи машин — в шесть рядов, на мост, под мост, в туннель. Нужно быть осторожным. В Лондоне водители вежливы и внимательны, в Париже беззаботны и напористы. Летят тысячи машин, летит вся набережная сквозь семь видимых мостов к восьмому, невидимому в дымке...

Час пик. Садится солнце. Последний день в Париже...